

Е. Н. Стребков

КОГДА МЫ БЫЛИ
НА ВОЙНЕ...

Евгений Стребков

Когда мы были на войне

«Автор»

2023

Стребков Е. Н.

Когда мы были на войне / Е. Н. Стребков — «Автор», 2023

Много создано художественных произведений об участии в чеченской войне военнослужащих ВДВ, спецназа, МВД. К сожалению, о морской пехоте написано до обидного мало. Стремясь сохранить память о действиях морской пехоты на Северном Кавказе в 1999-2000 годах, я решил рассказать о нелёгкой ратной работе морпехов, о подвиге и трусости, хладнокровии, ошибках и солдатской смекалке. Надеюсь, что это произведение послужит воспитанию молодого поколения в духе патриотизма и любви к нашей Родине.

© Стребков Е. Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

От автора	5
Встреча	7
Первый	15
Братушки	21
Трус	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Евгений Стребков

Когда мы были на войне

От автора

Если кто-то дома в тепле, лежа на диване, похрустывая чипсами и смотря по телевизору боевики, или, сидя в удобном кресле и, играя в компьютерные игры, думает, что вот она такая и есть – ВОЙНА, то он глубоко заблуждается...

Война, это не веселая игра с оружием, после которой ты примешь душ, сытно поужинаешь и спокойно ляжешь спать в теплую постель, зная, что никто и ничто тебе не угрожает, а на утро проснешься живой и здоровый...

Война – это страшное слово! Это – слезы прощания, бессонные ночи матерей и жен, ждущих возвращения своих близких. Это – постоянная грязь, кровь, вонь и пот, чирьи и вши, недосыпание, кубометры вырытой земли, километры пройденных дорог, стертые до кровавых мозолей ноги, обмороженные конечности. Это – трагедия для людей, живущих на территории, где идут боевые действия. Это – чувство животного страха, которое надо преодолеть, чтобы выполнить задачу. Это – громадная ответственность за жизнь подчиненных тебе людей. Это – трусость и героизм. Это – горечь потери своих боевых товарищей. Это – инвалиды; слезы матерей, жен и детей, потерявших своих сыновей, мужей и отцов.

ВОЙНА – это всегда ГОРЕ и СМЕРТЬ! Она оголяет людей, сметая с них все напускное, показывая их истинное лицо. Поэтому самое главное – это остаться ЧЕЛОВЕКОМ. Некоторые, крепкие с виду люди, ломались, не выдержав испытаний, но таких были единицы. Большинство же, собрав волю в кулак, преодолевая трудности и страх, изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц выполняли задачу, порой нудную, монотонную, совсем не похожую на ту – лубочно-красочную, которую показывают в большинстве современных фильмов.

Очень много написано художественных произведений и снято фильмов про участие в чеченской войне солдат и офицеров Воздушно-десантных войск, спецназа, МВД. К сожалению, про участие морской пехоты в этой войне художественных произведений написано до обидного мало. А те, что написаны, смахивают на сюжеты американских боевиков, где морпехи показаны какими-то роботами, а не живыми людьми. Художественных фильмов об участии морской пехоты, как в первой, так и во второй чеченской компании я даже не припомню.

Вместе с Группировкой морской пехоты на Северном Кавказе, в состав которой входили части и подразделения Северного флота, Каспийской флотилии и разведывательная рота Черноморского флота, я прошел дорогами Дагестана и Чечни, участвуя в боевых действиях с сентября 1999 по июнь 2000 года. В тяжелейших условиях морские пехотинцы ни разу не отступили, не оставили свои позиции, только смерть могла заставить морского пехотинца выпустить из рук свое оружие. Невзирая на чины и звания никто не кичился, требуя себе каких-то особых условий, все находились в одинаковом положении. Морские пехотинцы всегда вели себя достойно по отношению к мирному населению, оказывали помощь в восстановлении разрушенных водопроводов, разминировании полей, доставки гуманитарной помощи, за что командующего группировкой морской пехоты генерал-майора Отраковского Александра Ивановича офицеры про себя уважительно называли «миротворец». Мирное население Чечни уважало морских пехотинцев, а боевики видели в них достойного противника и старались не вступать в открытую схватку. Это не громкие слова. В морской пехоте, еще со времен Великой Отечественной войны, когда фашисты называли моряков «Черной смертью», из поколения в поколение передается особый, ни с чем несравнимый дух отваги и героизма.

Высокую цену заплатили воины-североморцы за первую и вторую чеченскую войну, восемьдесят два человека сложили свои головы на поле брани, до конца выполнив свой воинский долг! Вечная им память!

Почти две тысячи военнослужащих Северного флота удостоены государственных наград, а десять человек стали Героями России, в том числе трое – посмертно!

Как сказал Командующий Северным флотом адмирал Попов Вячеслав Алексеевич:

"Морская пехота чести Флота не уронила"

Стремясь сохранить память о действиях морской пехоты на Северном Кавказе в 1999 – 2000 годах, я еще в 2004 году благодаря помощи своего друга Белезекко Анатолия Алексеевича, из разрозненных фото и видеоматериалов смонтировал документальный фильм о действиях морской пехоты Северного флота во второй чеченской войне. Кто-то уже выложил его в интернет, где этот фильм можно посмотреть, если набрать в поисковике «876 одшб. Война в Чечне 1999-2000».

Сейчас же по прошествии семнадцати лет после возвращения с той войны, я решил рассказать о некоторых эпизодах второй чеченской войны. Несмотря на то, что все рассказы написаны в художественном стиле, они основаны на реальных событиях, свидетелем и участником которых я был. Некоторые имена и фамилии по этическим соображениям мной изменены. Неизменными оставлены только фамилии и имена офицеров и бойцов, павших смертью храбрых.

Выражаю благодарность своей маме Стребковой Людмиле Николаевне за то, что она благословила меня на написание этих рассказов. Так же хочется сказать большое спасибо майору внутренней службы Швецову Павлу Андреевичу за предоставленные стихи.

Надеюсь, что это произведение послужит воспитанию молодого поколения в духе патриотизма и любви к нашей Родине.

Там где мы – там победа!

27 ноября 2017 года

Е.Н. Стребков

Встреча

«Вот так сидели за столом
Отец и сын, вели беседу.
О том, как странно мы живем,
Как стойко переносим беды.
Как широка душа Руси,
Какие чудеса, загадки,
Как офицерский долг нести,
Про вкус Победы...
Горько – сладкий...»
(Швецов Павел Андреевич, 2017 год)

Сегодня у родителей праздник. В гости приехал сын с семьей. Не виделись почти год. Шум и детский смех наполнили дом. Мать накрыла на стол, поставив все самое лучшее.

Разговорам взрослых, казалось, не будет конца...

Но вот ужин закончен. Детей помыли и уложили спать. За столом остались двое – отец и сын. Жена, потушив большой свет, убирает посуду. В углу тихо работает телевизор. На экране, телеведущий на очередном ток-шоу обсуждает отношения с Украиной.

– Как они надоели со своей Украиной! – взяв пульт и выключив телевизор, сказал сын, – лучше бы про свою страну говорили, а еще больше бы делали!

В комнате стало тихо. Затем, сидевший напротив него отец, медленно произнес:

– Я согласен с тобой, Ваня, что «бардака» у нас хватает. И живем мы, мягко сказать, не богато, в стране, которая обладает четвертью мировых запасов природных ресурсов, с населением меньше двух процентов.

Он показал на телевизор и продолжил:

– Но, что творится у ближайших соседей, по-моему, надо знать.

– Пап! Да пусть живут, как хотят! Если им так нравится! Мы должны думать о своей стране! – ответил сын.

– Думать, Ваня, конечно, в первую очередь мы должны о своей стране, но то, что творится на Украине, ни в какие рамки не укладывается.

– Пап! Да это все пропаганда! Вон, приезжают с Украины – рассказывают, что все у них нормально.

– Да я бы согласился с тобой, что может быть это наша пропаганда. Но когда они героями Украины называли Бандеру* и Шухевича*!!!... Как можно называть героями людей, которые целовали зад Гитлеру, руки которых по локоть в крови?!!! Мой дед, твой прадед после войны, видимо, до конца не добил этих бандеровцев*, вот они сейчас голову и подняли!

– Ну, все, сел на любимого конька! Опять про политику! – раздался голос жены.

– Ну, а как не говорить? Какую тему не возьми, везде политика! – в запальчивости сказал отец, – Перестройку, будь она не ладна, кто поддержал – с молчаливого согласия народ! А в девяносто первом – кто, радостно повизгивая, привел к власти пьяных «демократов»? Такие как мы! А кому от того, что распался Великий и Могучий Союз, лучше стало – народу?!!!

Он сложил из пальцев кукиш:

– Вот что народу от всех этих перестроек и дерьмократии досталось. Растащили «шакалы» Великую страну по кускам! Превратили Россию в сырьевой придаток Запада!

Обращаясь к жене:

– Ты же помнишь, Лена, как мы в девяностые жили? Слава Богу, что как не пытались младореформаторы уничтожить Вооруженные Силы, там хоть какой-то порядок оставался! Поэтому, я бы не хотел возвращения в девяностые!

– А что, в Советском Союзе все было хорошо?! Разве Сталин не уничтожал свой народ?! Ведь если бы все было так замечательно, то почему СССР распался? – скороговоркой спросил сын.

– Нет, не все было хорошо! Но у рабочего человека была стабильность. Бесплатное образование, медицина, да все было для людей... Каждый знал, что окончит школу, получит специальность, работу, будет обеспечен квартирой, пенсией...

Он немного помолчал:

– Сталин, ну, а что Сталин, как любой руководитель не однозначен. Судить о нем надо по его делам! Взял страну полностью разрушенную, во враждебном окружении, а через двадцать девять лет она стала самой могучей как политически, так и экономически. Победили в самой кровопролитной войне, а потом восстановили все разрушенное. Вот это показатель!!! А что сделали демократы с девяносто первого года? Ни-че-го!!! И даже меньше! Прежде чем осуждать кого-то, надо самому показать, что можешь, а показать нечего! Вот и все, все остальное это вымыслы и, как ты говоришь, пропаганда тех, кто сам не в состоянии управлять этой Великой страной!

В запальчивости продолжил:

– К сожалению, после смерти Сталина не было достойных руководителей, жили только прежними заслугами, страна постепенно скатывалась к распаду, развития не было. Помню, когда я учился в военном училище, у нас в классе разведки висел плакат с высказыванием первого шефа ЦРУ Аллена Даллеса. Я, конечно, дословно не помню, но он, примерно, говорил так, что Советский Союз нельзя победить, его можно уничтожить изнутри, незаметно подменив его ценности на фальшивые, насаждая в культуре самые низменные человеческие чувства, расшатывая, таким образом, поколение за поколением и главную ставку, делая на молодежь, выращивая из них людей, лишенных чувства патриотизма, оторванных от интересов своей Родины, чуждых своему народу, не считающих себя принадлежащими ни к какой национальности! Вот так!

Он закашлял в кулак. Жена налила воды в чашку и подала ему.

– Ну, ты, папа, как на политинформации чешешь!

– А, что ты хочешь, я тридцать три года был в Вооруженных Силах, приходилось и политинформации с бойцами и офицерами проводить! Честно говоря, я, когда вспоминаю этот плакат с высказыванием, возникает чувство, что наши реформаторы конца восьмидесятых, начала девяностых руководствовались им. В начале двухтысячных я думал, что лет через двадцать Россия развалится еще кусков на пять и останется в границах Московского княжества, как в начале царствования Ивана Грозного.

– Ты знаешь, я с тобой не совсем согласен. Ты посмотри, сейчас заводы строятся и сельское хозяйство потихоньку начало возрождаться... – сказал сын.

– Слава Богу, – перебил его отец, – Грамотный руководитель пришел. Россия, как птица Феникс, сейчас, хоть и медленно, но начала возрождаться. А уж когда Крым вернулся к себе на Родину, я окончательно поверил, что Россия будет жить!

– Папа! Но ты же слышишь, что все вокруг воют, что мы аннексировали Крым, что ведем войну в Донбассе! Санкциями из-за этого нас душат!

– Вот ты, Ваня, правильное слово сказал – воют! Не было бы Крыма, придумали бы еще что-нибудь, за что нас душить. Это, какое же государство, назови мне, хочет, чтобы Россия стала могучей и независимой страной? Россия всегда была лакомым куском для всякого рода захватчиков и негодяев! Это только мы -наивные, рады думать, что вокруг нас «дружба народов», «мир, равенство, братство», а кругом «волки» и «шакалы», готовые разорвать слабого.

Соединенные штаты после девятидесяти первого года, победив в холодной войне Советский Союз и уничтожив его, последние лет двадцать пять были хозяевами мира. Захотели и разбомбили Югославию, захотели и уничтожили Ирак, Ливию, развязали войну в Сирии. А здесь какая-то Россия последние годы начала их пододвигать на мировой арене. Как это так, страна, которая экономически оккупирована, экономика которой «разорвана в клочья», как сказал Обама*, начала диктовать им – «властелинам мира» условия? Поэтому и базами американскими обложили нас со всех сторон, и на Украине этот гадюшник развели, и нами пугают, что мы агрессоры, а на кого мы нападали? Может на чистеньких поляков, которые разграбили многие наши города, да царя своего хотели нам посадить?! Может на модных французов, которые дотла сожгли Москву и многие города?! Или мы напали на толерантных немцев с их Гитлером?! Надо на Запад каждый день песню транслировать – «Хотят ли русские войны», пусть слушают, думают и помнят историю! Быстро забыли!

Немного успокоившись, продолжил:

– А Крым, что? Крым никогда не был украинским. Хрущев, своим волюнтаристским решением в пятьдесят четвертом году передал его в состав Украинской республики, входящей в состав СССР, но люди как считали, себя русскими, так и потом считали, когда распался Советский Союз. А в две тысячи четырнадцатом, когда к власти на Украине пришли бандеровцы, народ Крыма, подавляющим большинством голосов решил, что хватит, пора домой. Вот так!

– А что же Донбасс домой не вернулся, там ведь тоже русские?

– Я, Ваня, не политик и не обладаю всей информацией! Может быть пока рано! А может быть, мы еще слабы и боимся их принять! Но думаю, что рано или поздно они вернуться домой в Россию! Жалко конечно, что мирные люди гибнут.

– Я, папа, слышал, что украинцы говорят – у них Донбасс как у нас в свое время Чечня.

Отец замолчал. Затем повернулся к жене, которая домывала посуду:

– Лен! Можно мы с твоего разрешения еще по рюмочке с сыном пропустим, а то уж больно разговор у нас сложный! Все равно завтра не на работу.

– Да, чего уж там! В кои веки с сыном встретился! – махнула рукой жена.

Отец налил себе и сыну немного коньяка, спросил, повернув голову:

– Лен! Ты будешь?

– Нет, не хочу. Пейте. Чокнулись.

– Ну, будем здоровы!

Выпили, крикнув. Закусили кусочком сыра. Немного помолчали.

– Когда весь этот «бардак» на киевском майдане* шел, жители Донбасса работали, кормили всю Украину, не вмешивались, может быть и зря. Но это был не первый майдан, поэтому, я думаю, люди просто перестали обращать внимание на эти игрища в Киеве. Но после того как вооруженным путем власть захватили фашисты, и одним из первых законов этой новой власти был закон о запрещении русского языка – родного языка жителей Донбасса, конечно, люди возмутились, вышли на демонстрации! Вот тут-то киевская власть и показали истинную демократию – начала уничтожать своих несогласных, безоружных граждан, расстреливая города и села, применяя авиацию, артиллерию и ракеты. После этого народ поднялся и взял в руки оружие! А Чечня – там другое дело!

Отец опять замолчал.

– Может, хватит? Спать пойдете? – спросила, присаживаясь за стол жена.

– Ну, дай с сыном посидеть! – как-то устало сказал отец.

Он опять немного налил в рюмки коньяка, в том числе и жене.

– Давайте за встречу! Выпили.

– Ты же помнишь, Ваня, как все это началось в Чечне? – спросил отец.

– Пап, но я ведь тогда маленький был, а так что-то слышал, что-то читал...

– Так вот, как я уже говорил, на Донбассе народ поднялся, когда бандеровцы, с которыми боролись их отцы и деды, пришли к власти, когда запретили говорить на родном языке! А в Чечне все было далеко не так!

– Ну как же, насколько я знаю, там тоже народ восстал против новой власти в Москве, когда развалился Советский Союз! – подзадорил сын.

– К сожалению, как я понял, ничего ты не знаешь! – вздохнув, сказал отец, – Так слушай! Еще задолго до развала Советского Союза, с началом перестройки в Чечне националисты, чувствуя слабость Кремлевской власти, подняли голову. Цель у них была – выход из состава СССР и создание независимого государства Ичкерия. В республике начался беспредел, а официально – двоевластие. С одной стороны, Джохар Дудаев*, который возглавил националистов, с другой – Советская власть. Ну, а уж когда в Москве произошли августовские события девяносто первого года, в Чечне начались захваты административных зданий, убийства, грабежи. Осенью этого же года Дудаев объявил себя президентом Чечни. А после распада Советского Союза, новой Российской власти, по-моему, было не до Чечни, своих проблем хватало. Поэтому решили – пусть Дудаев сам наведет у себя в республике порядок, а там посмотрим.

Отец сделал паузу и посмотрел на сына. Тот внимательно слушал.

– Так вот, – продолжил он, – Вывели российские войска, оставив все оружие новой чеченской власти, хотя, честно, большая часть оружия уже была захвачена. Начиная с девяносто первого по декабрь девяносто четвертого года, это, так называемое, непризнанное ни кем, «государство» «развивалось», а по сути дела там процветало похищение людей, работоторговля, со всего мира туда стали стекаться отморозки. Одним словом, оно было как чирей на заднице России.

Он замолчал:

– Я еще Вас не утомил своим рассказом?

– Нет, папа, очень интересно! Продолжай! – сказал с интересом сын.

– Тогда давайте еще по капельке, – сказал отец и налил всем немного в рюмки.

– Так вот, – продолжил он, выпив, – Сколько бы чирей не болел, его все равно надо ликвидировать. Так и с этим беспределом в Чечне. Новая Российская власть, бесконечно терпеть такой «бардак» у себя на Кавказе не могла, да к тому же и народ в Чечне устал от этих беспорядков. Летом девяносто четвертого года в республике, по сути дела, началась гражданская война между дудаевцами и несогласными с такой властью. Конечно, Россия поддержала противников Дудаева, и в декабре девяносто четвертого года для наведения порядка в Чечню были введены Российские войска. Я ничего не буду говорить о боевых действиях наших войск, пусть это останется на совести тогдашнего руководства. Офицеры, солдаты и матросы честно выполнили свой долг. Ты же помнишь, Ваня, как вечером седьмого января девяносто пятого года десантно-штурмовой батальон нашей бригады был поднят по тревоге и отправлен в Чечню?

– Я хоть и маленький был, но помню, тогда еще все за праздничными столами сидели, Рождество отмечали!

– Да, много полегло тогда русских ребят в этой войне, я думаю, точно никто не скажет сколько, только в нашей бригаде морской пехоты не вернулось шестьдесят шесть человек.

Отец плеснул себе в рюмку коньяка и молча выпил.

– Войска свою задачу выполнили, – продолжал он, – К лету девяносто пятого установили, хоть и шаткий – контроль над территорией Чечни, боевые действия по сути дела прекратились. Начали восстанавливать города и села. Так нет же, бандиты начали действовать другим путем, стали устраивать теракты, самый громкий в Будённовске, Кизляре, нападали на наши гарнизоны.

Несмотря на то, что в апреле девяносто шестого года был ликвидирован Джохар Дудаев, к лету, когда часть наших войск уже была выведена, бандиты вновь захватили Грозный, Гудермес, Аргун. После этого, в конце августа девяносто шестого года было подписано соглаше-

ние в городе Хасавюрт между бандитами и представителями Российской власти, где, по сути дела, все успехи наших войск были уничтожены простым росчерком пера. Одним словом, наши представители подписались под тем, что Россия проиграла эту войну. Это был ПОЗОР!!!

Сказав это, он сжал зубы и слегка ударил кулаком по столу:

– Но пусть с этим разбираются историки, почему так произошло, было это предательство или просто очередная глупость не далеких в нашем правительстве людей. Жалко только простых русских офицеров и солдат, да ни в чем не повинных мирных жителей. Бандиты торжествовали, на долгие три года республика Чечня погрузилась в средневековье, в худшем смысле этого слова. Она стала не просто чирьем на теле России, а гнойным нарывом, который провалился в августе девяносто девятого года.

Он замолчал. Жена, поставила на стол чашки.

– Попейте чайку, передохните немного, – сказала она, наливая чай, – Вон пирожные на тарелке, никто не дотронулся.

Отец с сыном принялись за чай.

– Ваня, а я тебе рассказывал, какая у меня встреча произошла буквально накануне второй чеченской войны? – спросил отец, ставя кружку на стол.

– Нет, не помню. Но ты мне еще про вторую чеченскую не рассказывал!

– Я думаю, что эта встреча предопределила мою дальнейшую судьбу, в том числе и на второй чеченской войне.

– Расскажи!

Отец, не спеша отодвинул недопитый чай и начал рассказ:

– Случилось это в начале июля девяносто девятого года, мы тогда жили, ты помнишь, в поселке Спутник в Заполярье.

Как раз отыграли учения «Запад-99» с высадкой на полуострове Рыбачий, поставили технику в боксы, большинство офицеров было отправлено в отпуска, в том числе и я. Лена, ты помнишь, я еще несколько дней ждал, пока тебя в отпуск отпустят? – спросил он у жены.

Конечно, помню, – подтвердила она.

– Так вот, как-то вечером смотрю, сосед несет пакет. Я его в шутку спрашиваю: «Что, грибы несешь?», так как грибов в это время еще, как правило, нет. Он открывает пакет, а там и на самом деле грибы. Я, конечно, удивился, а сам думаю: «Ну, завтра с утра в сопки поеду, все грибы мои будут!» У меня в то время мотоцикл был «Минск». Утром прикрепил на багажник мотоцикла «майдан», это я так короб трехведерный из фанеры с крышкой называл, положил в него ведро пластмассовое и поехал за грибами. День был солнечный, теплый. Уехал в сопки в сторону полуострова Рыбачий километров на десять-пятнадцать. Рабочий день, вокруг никого. Поставил мотоцикл и пошел пешочком искать грибы. Ходил-ходил, в одном месте, в другом, нет грибов. Солнце уже за полдень перевалило, иду я вдоль бурной горной речки, поднимаюсь вверх, смотрю в сторону, где березка карликовая, да ягель растет, может хоть какой-нибудь заваливающий гриб попадется, домой-то без добычи возвращаться стыдно. Вдруг, слышу: «У тебя закурить не найдется?!» Я от неожиданности чуть ведро не выронил. Поворачиваю голову в сторону, откуда раздался голос, и вижу, прямо по центру горной реки на большом плоском камне, вокруг которого белеют водяные буруны, полулежит, опершись на правую руку, согнутую в локте человек. Я понимаю, что в это время здесь не должно быть людей, да и добраться сюда пешком не просто. Но реально вижу, что здесь, сейчас, передо мной на камне лежит живой человек. Одет он был в длинный, выгоревший на солнце до белизны, брезентовый дождевик. На ногах обычные резиновые сапоги. Капюшон дождевика, брошенный на голову, скрывал лицо почти полностью, за исключением длинной белой бороды. «Табачком не богат?!» – опять задал он вопрос. После того как прошло первое замешательство, я ответил: «Извини, дедушка! Ничем помочь не могу! Недавно бросил!» Я и на самом деле несколько месяцев назад бросил курить. «Что, по грибы пошел?» – опять спросил дед. «Да вот решил посмотреть, может, найду

чего. Зря только целый день проходил, ничего нет!» – ответил я. А дед мне: «Рано еще, ты недельки через две приходи!» «Хорошо, дедушка!» – сказал я. Собрался уже попрощаться с ним, но тут меня, как будто, взгляд его из-под капюшона пронзил. Сделался я весь как ватный какой-то. Даже речка шуметь перестала, а я четко так слышу: «Иди с Богом! Все у тебя будет хорошо!» Я только и мог, что непослушными губами вымолвить: «Спасибо, дедушка!» Повернулся и пошел как в тумане вверх по берегу речки. Пройдя полсотни шагов, немного очухался. Смотрю, плоскогорье начинается, и речка здесь уже течет медленнее. Невдалеке брод, через который проходит старая накатанная дорога. Я вышел на дорогу и не поверил своим глазам. По центру дороги, во мху, метрах в пяти от меня, красовался гриб. Не просто гриб, а гриб-великан, красавец, шляпка рыжая, ножка белая. Я подошел, поставил ведро, достал нож, встал перед грибом на колени и залюбовался. Даже резать его жалко. Срезал под самый корешок. Хотел положить его целиком в ведро, а он не входит. Пришлось шляпку от ножки отрезать, да еще пополам ее разрезать, а то в ведро не входила. Посмотрел, и шляпка, и ножка – чистые, не червивые. Ножка – во! – и он, сделав пальцами круг, показал, какой толщины была ножка.

– Ну, ты конечно «загнул»! – улыбнулся сын.

– Если и «загнул», то самую малость! В общем, разрезал я этот гриб и думаю: «Ну, спасибо тебе дед, наверно не обошлось без твоей помощи. Не иначе как наколдовал мне удачу! Надо внимательно вокруг все осмотреть». Посмотрел вокруг, грибы обычно семейками растут. Нет! Нет больше грибов!!! Один гриб вырос, нет других. «Ладно» – думаю, – «И на этом большое спасибо! Пойду, поблагодарю старика!» Настроение, конечно отличное, гриб почти полведра занял. Иду бодро вниз вдоль реки, ищу старика, чтобы спасибо сказать, а его все нет и нет. И камня никакого большого и плоского нет. Река на месте, мелких и чуть больше валунов полно, а вот того камня – нет! Спустился я почти до самого подножия сопки, но ни старика, ни даже камня, на котором он лежал я не нашел! Остановился. Думаю, может, привиделось мне все это? Нет, гриб в ведре, да и я, вроде, не пьяный, и на голову никогда не жаловался! Присел на валун, посидел, умылся. «Ладно! Был или не был старик, мало ли в жизни чертовщины какой случается!» Одним словом, дошел до мотоцикла и благополучно приехал домой. Вечером пришла жена с работы, дети с гулянки вернулись, а я большую сковороду грибов к их приходу нажарил. Сели они кушать, а твоя мама мне и говорит: «Смотри, Женя, как рано грибы пошли, да еще много так!» Я засмеялся и рассказал, как на самом деле все было, что это всего один гриб, да и тот, по сути дела, старик подарил. Удивились они, но думаю, что в эту историю не поверили. Так бы и забылась та история, но у нее, как потом, оказалось, было продолжение. Он замолчал, глотнул из чашки уже остывший чай.

– Так вот, как я уже сказал, у этой истории было продолжение, – не спеша начал отец, – Погостив у бабушек, в начале августа поехали в Анапу. Ты же помнишь, Ваня, мы тогда еще снимали комнату у Ильиничны?

– Да, это я хорошо помню.

– Погода отличная, Анапа – прекрасная, телевизор у Ильиничны сломан, что творится в мире – не знаем, в общем, все замечательно! Но, прям, как в сказке Аркадия Гайдара о Мальчише-Кибальчише – все хорошо, но что-то не спится мне, ну никак не засыпается. А заснешь, сны какие-то непонятные снятся. Как будто я в горах с оружием, и не на учениях, а идет война настоящая, и на душе так тревожно, что спать не могу. Рассказал я все маме твоей, своей жене. Она мне и говорит: «Выкинь из головы, это все учения твои тебе снятся, расслабься – ты же в отпуске!» Но эти кошмары снились мне несколько ночей, пока однажды, как сейчас помню, было это тринадцатого августа, захожу вечером на кухню, там еще соседи гуляли, смотрю, телевизор работает, наверное, из ремонта принесли. Программу «Время» показывают, а на экране – война! Остановился. «Где это опять такая мясорубка началась?! – подумал я. Стал внимательно смотреть. Вдруг, как сейчас вижу, диктор говорит, что седьмого августа девяносто девятого года с территории Чечни было совершено массированное вторжение боевиков в Даге-

стан под общим командованием Шамиля Басаева и арабского полевого командира Хаттаба, и сейчас идут жестокие бои в Дагестане между ваххабитами и нашими десантниками за контроль над стратегической высотой Ослиное Ухо, десантники несут большие потери. Меня как током ударило – мать честная, так вот почему мне сны, которую ночь, такие снятся. Уже почти неделю как война идет!!! Оказывается, что случилось! Эти отморозки в Чечне, что к власти пришли, почувствовали безнаказанность, поняли, что Московская власть слабая, да и денежки им давать перестала, вот и решили себе территории урвать, аж до Каспия. Шамиль Басаев, кажется, даже грозился до Москвы дойти. Вот они седьмого августа перешли границу и пошли торжественным маршем по Дагестану, убивая в селах местных милиционеров, активистов, и устанавливая в них свой бандитский порядок. Да нарвались на десантников, они им хорошо по зубам дали, но силы были не равны. Тогда со всех уголков нашей страны, опять начали стягивать в Дагестан более-менее боеспособные войска, которые не успели еще развалить.

Он замолчал.

Жена налила в чашки горячего кипятка, положила чайные пакетики.

– Чайку попейте, пока горячий, – сказала она. Отец, помешивая сахар в кружке, продолжил:

– На следующий день, в обед Ильинична телеграмму принесла – срочно прибыть к месту службы. Делать нечего, надо ехать. Из Анапы билеты взяли только до Вологды. А в Вологде нет билетов на поезд до Мурманска. Я к военному коменданту, так, мол, и так, надо ехать! В общем, помог он с билетами, а напоследок сказал: «Я, думаю, скоро увидимся!» Конечно, он оказался прав, когда через некоторое время эшеленом в Дагестан через Вологду шли – встретились. Приехали домой на Север, а там уже подготовка к отправке в Дагестан полным ходом идет. Восьмого и девятого сентября убыли первые подразделения бортами из Оленегорска, а тринадцатого сентября десантно-штурмовая рота, артиллерия, инженеры и тыловые подразделения – эшеленом.

Да, такое не забудешь, как раз день моего рождения – тринадцатого сентября! – тихо сказала жена, – После того как вы ушли, наш поселок Спутник словно вымер – почти никого не осталось!

Над столом повисла тишина.

– Пап! Ну, рассказывай дальше. Очень интересно! – нарушил молчание сын.

– Ну, а дальше, а дальше эшеленом через всю матушку Россию от Баренцева моря до Каспийского! Разгрузились в городе Каспийске, там уже наши передовые подразделения были. Город почти на осадном положении. Как в кино показывают про войну, кругом блокпосты, все мешками с песком обложено, света практически нет. Население нас встречало как освободителей. Несли лепешки, всякие продукты, говорили: «Только не уходите!

Защитите нас! Ведь мы же свои – русские!» Видимо, очень их бандиты напугали!

Сделав паузу, продолжил:

– Не сразу нас, как в первую войну, в дело бросили, а дали недельку прийти в себя, боевое слаживание провести. Зато потом вместе с Каспийскими и Черноморскими морпехами аж девять месяцев, до самого вывода грязь чеченскую месили. Шестнадцать человек не вернулось домой на Север с этой второй войны. Вот так!

– Папа! А встреча со стариком здесь причем? Отец задумался:

– Понимаешь, у меня все время, пока я был на войне, не покидало чувство, что меня, как будто, ангел хранитель какой-то бережет. Так вот, это было уже через год, после того как вернулись из Чечни. Я даже дату запомнил – двадцать второго июня две тысячи первого года. День, когда шестьдесят лет назад началась Великая Отечественная война. Смотрю телевизор, а там ветераны вспоминают о начале войны. Один, уже старенький ветеран, рассказывает, что перед самой войной служил он в части где-то в Прибалтике. Отправили его и еще несколько человек в лес, дрова заготавливать. Поработали они и сели перекурить. Он, говорит: «Я не курил,

поэтому отошел в сторону и стою между деревьев. Вдруг, выходит ко мне старичок. Невысокий, в брезентовом дождевике, только борода седая из-под него торчит. Подходит и спрашивает: «Сынок, закурить у тебя не найдется?» А я ему отвечаю: «Не курю я дедушка, вон там, на бревнах ребята сидят, у них попроси!» Посмотрел он на ребят и тихо так говорит: «Жалко, молодые. Никого не будет». Посмотрел на меня так, что не по себе мне стало. «Иди с богом! – сказал, – Все у тебя будет хорошо!» Повернулся я и пошел, как во сне, к ребятам, а дед растаял, как будто, его и не было. Рассказал товарищам о встрече, подняли они меня на смех, что я комсомолец, всякую чепуху несу. А утром, это было двадцать второго июня, когда дрова уже на нескольких подводах в часть везли, немцы нас бомбили – война началась. Все мои товарищи тогда погибли, один я выжил. Наверное, тогда ко мне Святой Николай являлся, защитил он меня! Вот так для меня война началась». Закончил ветеран свой рассказ, а на меня ступор какой-то напал. Ведь он почти слово в слово рассказал мою встречу с тем дедом перед второй чеченской войной!

– Да, я помню, ты мне тогда это рассказал, – подтвердила жена.

– Я думаю, – тихо сказал отец, – это Николай Чудотворец мне тогда встретился! Предупреждал, а может под свою защиту взял!

– А почему ты решил, что это Святой Николай? – спросил сын.

– Посудите сами. Дед у меня Николай, отец, тоже Николай, брат младший – Николай Николаевич! Поэтому, если это какой Святой со мной встречался, то точно – Николай!

– В жизни все может быть, – сказал сын, – Загадок очень много...

– А я ведь еще раз с ним встречался! – перебил отец сына. – Когда?

– Произошло это в две тысячи восьмом году. Я был тогда на боевой службе командиром морского десанта. Зашли мы пополнить припасы в один из итальянских портов. Стояли там несколько дней, и для нас – офицеров и матросов местные власти организовали экскурсию в город Бари на могилу Святого Николая Мерликийского. У меня, когда я оказался в храме, где похоронен Николай, почему-то сразу возникло чувство, что это тот самый человек, с которым я в девяносто девятом году встречался. Я до этого, лба перекрестить не мог, а здесь креститься начал. Вот так. Поэтому, думаю, что Святой Николай нашу семью бережет – он наш Ангел-Хранитель!

Наступила тишина.

– Да-а! – протянул сын, – интересная история! Слушай, папа! Ты мне столько нового рассказал, о чем я в принципе и не задумывался, и о Чечне, и об Украине, и о развале Советского Союза! Да, в общем-то, и задумываться некогда, все работа, да работа!

– Нет, сынок, задумываться надо. Наши правители забыли сказку Аркадия Гайдара о Мальчише-Кибальчише, вот и напал враг, откуда не ждали – изнутри, и рухнул Великий и Могучий! А прочитали, может быть, задумались, когда подпись в Беловежской Пуще ставили. Недаром наш президент недавно сказал, что распад Советского Союза был величайшей трагедией для жителей СССР! Поэтому думать надо всегда, прежде чем принимать серьезные решения! Ладно, засиделись мы, пойдем отдыхать!

сентябрь 2017

Первый

Эх, костлявая, за что же так меня?
Или список, мной открыть решила?
Сразу взять меня ты не смогла!
Пулей снайперской добила.
Или берегла меня судьба,
Ратный подвиг, для меня готовя,
Чтобы ты гранатой не смогла,
Положить ребят на поле боя.
А...! Не важно!
Поздно рассуждать.
Что произошло, уже случилось.
Честь за вас ребята умирать!
Чтоб у вас все в жизни получилось...!
(Швецов Павел Андреевич, 2017 год)

Два дня холодный октябрьский дождь лил не переставая. Земля пропиталась влагой, дороги превратились в сплошное месиво. Машины по самую ступицу утопали в вязкой бурой жиже, с трудом преодолевая сопротивление грязи, в изобилии налипшей на колеса и гусеницы военной техники. От падавшей с неба воды, камуфлированные бушлаты казались темными. Штаны, испачканные по самое «не хочу», липли к ногам. Бойцы с трудом вытаскивали ноги из вязкой, чавкающей земли. Их лица, под наброшенными капюшонами, выглядели угрюмыми. Казалось, не будет конца – края этому изнуряющему дождю, этой непролазной грязи. «Пластилиновая страна!» – со злой ухмылкой шутили матросы.

Но сегодня к рассвету дождь прекратился. Поднялся ветерок, который начал разгонять нависавшие свинцовые тучи. Вначале небольшими кусочками на хмуром небосводе появились островки голубого веселого неба. Затем этих светлых островков становилось все больше и больше и вот выглянуло все еще по-летнему ласковое солнце. Под его теплыми лучами, влага, пропитавшая все вокруг, клубясь сиреневым дымком, поднималась вверх. Земля подсыхала, покрываясь твердой растрескавшейся коркой, и только на разбитых дорогах, по которым шла военная техника, бурая жижа и глубокие лужи пытались помешать движению колонны.

БТР* командира второй десантно-штурмовой роты с притороченными патронными ящиками по бортам, весь заляпанный грязью, тяжело урча мотором, двигался в походном порядке батальона. На БТРе, справа, свесив ноги в открытый люк, на броне сидел крепкий, невысокого роста капитан – командир второй роты. Слева, за открытым люком, из которого торчала голова водителя в шлемофоне, находился командир приданной минометной батареи со своим связистом. Сзади на свернутом брезенте, прислонившись к башне, примостились связист командира роты с переносной радиостанцией и разведчик из отделения управления минометной батареи. Настроение у всех было приподнятое. Во-первых – вчера вечером поступил приказ, батальону выдвинуться к железной дороге между Хасавюртом и Гудермесом и занять там оборону. Это все лучше, чем быть в неведении и ждать. Во-вторых – дождь прекратился, выглянуло солнце, стало немного веселее!

Вначале двигались по территории Дагестана. Слева и справа, насколько хватал взгляд, тянулись неубранные поля. Лопнувшие и прокисшие бурые помидоры гроздьями свисали с веток и лежали на земле, треснувшие и полусгнившие арбузы имели неприглядный вид.

– Палыч! Ты видишь? – крикнул командир роты, обращаясь к командиру батареи, стараясь перекричать рев двигателя.

Командир минометной батареи, молодой светловолосый мужчина, с простым русским лицом – настоящий богатырь, похожий телосложением на медведя, даже позывной у него был «Медведь», отогнул воротник бушлата и, повернув голову, громко спросил:

– Что ты говоришь, Леха?

– Я говорю – Ты видишь, сколько добра пропало? – показывая на поля, еще раз прокричал командир роты.

– «Духи», придурки, со своей войной не дали людям урожай убрать! – сказал Палыч и замолчал.

Колонна миновала полуразрушенную дамбу через канал, по которому бурным потоком неслась вода. Дальше начиналась территория Чечни. Пейзаж резко поменялся. Вокруг тянулись заросшие тростником и заброшенные поля, которых давно не касалась рука земледельца. Ирригационная* система частично была разрушена и со временем пришла в негодность. Матросы, сидевшие за башней, с удивлением смотрели на проплывающий пейзаж.

– Костик, смотри! Какие-то поля странные, квадратные! – обратился к товарищу матрос-связист, – Что можно в этом болоте вырастить?

Костик, невысокого роста, с конопушками на лице матрос, к которому обратился связист, левой рукой придерживал, лежавшую рядом с ним треногу, а правой бережно держал на коленях коробку с буссолью* – основное «оружие» артиллерийского разведчика, повернув голову, медленно сказал:

– Это рисовые чеки*! Нам про такие в школе рассказывали! – И как, интересно, здесь рис выращивают?

– Ну, это длинная история, потом, как-нибудь, расскажу!

– Ни хрена себе! Какой ты умный! – не унимался матрос, – Слушай, Костик, ты, говорят, иконы даже рисовал? Правда?

– Пробовал немножко писать. Контракт закончится, может быть, дальше займусь. Это дело такое – серьезное.

Оба замолчали. Говорить, перекрывая шум работающего двигателя, было тяжело.

БТР медленно двигался вдоль заброшенных рисовых полей, разбрызгивая грязь. Слева у соседей над горизонтом поднимался густой черный дым, справа слышались отдельные автоматные очереди. Здесь же было все спокойно, как будто, нет никакой войны, казалось, идут обычные учения. Равномерный гул двигателя и теплое солнце приятно укачивали. После промозглой, бессонной ночи Костя погрузился в приятную дрему. Ему снился дом, родные Сибирские места.

– Внимание! Увеличить дистанцию! Быть внимательными! Оружие к бою! – передал по радиостанции командир роты, когда по бокам дороги, которая возвышалась над рисовыми чеками, пошли заросли густого, высокого тростника.

– Внимание! Впереди за поворотом канава! Осторожно! – послышалось в шлемофоне предупреждение от впереди идущих разведчиков.

– Серега! Осторожно! За поворотом канава! – сказал командир роты водителю.

Вот и крутой поворот. БТР снизил скорость. Почти сползая колесами с дороги, осторожно повернул. Впереди, выделяясь свежей рыжей глиной, перерезала дорогу канава, частично засыпанная прошедшей впереди техникой. БТР, снизив скорость до минимума, медленно приближался к канаве. Голова водителя на мгновение скрылась в люке, он пытался переключиться на пониженную передачу, она включалась с трудом.

Яркая вспышка ослепила командира батареи. Сильный удар в грудь сшиб его с брони. «Вот и все! Как быстро!» – пронеслось у него в голове. Он спиной упал на землю и потерял сознание.

Это была граната из гранатомета. Она ударила в левый борт прямо перед водителем, попав в притороченный на борту ящик с патронами, что спасло всех находящихся внутри. Кумулятивная струя рассеялась по броне, не причинив никакого вреда, оставив лишь глубокие борозды от разорвавшейся гранаты и сдетонированных патронов на поверхности БТРа.

– К бою! – громко крикнул командир роты и спрыгнул в канаву. Бойцы, услышав команду командира, посыпались с брони.

Костю из приятного забытья вернул к реальности ужасный грохот и сотрясение БТРа всем своим железным телом. Он открыл глаза и увидел, что лежит на животе, на брезенте, наверху БТРа. Вокруг никого. Из зарослей надрывно донеслось «А-ал-лах А-а-кба-ар!» и бешено заработал пулемет. Пули горохом посыпались по броне, с визгом рикошета от нее. Костя схватил в правую руку автомат и распластался по брезенту. Он видел, как командир роты и несколько бойцов, укрывшись в канаве, вели ответный огонь из автоматов, как связист из их батареи ползком, уцепившись за воротник куртки командира батареи, подтащил его к канаве и скинул вниз, укрыв от смертоносного огня. С правой стороны БТРа, где не доставал огонь «духовского» пулеметчика, открылся боковой люк, бойцы пульей выскакивали из БТРа и, рассыпавшись по обочине дороги, открывали огонь. Башенный крупнокалиберный пулемет КПВТ громко «та-такая» начал свою «смертельную работу», срезая впереди лежащие заросли и выбивая фонтаны грязи. От его «работы» БТР дрожал как живой.

«Блин! Как спрыгнуть? Ведь пулеметчик, сволочь, сразу скосит, – пронеслось в голове Кости, – Ребята подумают еще, что я струсил!»

Он приподнял голову и тут увидел, как незамеченный ни кем в траве, буквально в тридцати метрах, в болотной жиже ползет человек с гранатометом за спиной. Это «духовский» гранатометчик менял позицию, стараясь зайти в бок БТРа.

– Вот, гад, сейчас жажнет гранатой в борт и всем внутри пипец! – прошептал матрос. Он подтянул к себе автомат, снял с предохранителя, передернул затвор, осторожно приподнялся на локте и прицелился. Мушка никак не хотела совмещаться с целиком, прыгала из стороны в сторону. Костик затаил дыхание. Он видел, что враг сейчас приподнимется и выстрелит из гранатомета, а он никак не мог поймать его в прицел. Вот гранатометчик быстро вскочил на одно колено и поднял гранатомет. Костя нажал на спусковой крючок. Автомат слегка ударил его в плечо, указательный палец почувствовал легкую вибрацию. Последнее, что увидел матрос, это как гранатометчик заваливается на спину, а выпущенная им граната с ревом, пронесется сверху БТРа, не причинив вреда. Пуля снайпера, разрывая молодую плоть, остановила сердце морского пехотинца, и Костя погрузился в небытие.

А бой продолжался.

Командир минометной батареи очнулся от холода, вцепившегося в его ноги. Открыл глаза. Кругом шла бешеная стрельба. Ощупал себя. Вроде цел, только очень сильно болела грудь и дышать было тяжело.

– Цел, Палыч! – прокричал командир роты.

– Да, вроде! – прохрипел Палыч, расстегивая на груди разгрузку*.

– Давай! Давай, Палыч, быстрее огонь батареи!

Палыч обернулся, рядом с ним находился верный связист.

– Батарею на связь! – с трудом выговаривая слова, похрипел он. Осторожно выглянул из траншеи, осмотрелся.

– Товарищ, капитан, «Вишня» на связи!

– «Вишня»! Я «Медведь»! Нахожусь на повороте, ориентир двадцать третий, на юг сто метров цель двадцать вторая, пехота противника, одну осколочную мину! Огонь! – взяв гарнитуру* в руки, передал капитан.

– Где Сазонов? – спросил он у связиста. – Наверху бэтра!

– Жив?!

– Не знаю! Но, я видел, как Костик срезал гранатометчика. Класс! – восхищенно ответил матрос.

– Ладно! Потом разберемся!

Мина, со свистом разрезая воздух, врезалась в землю буквально в нескольких десятках метров от них. Разорвавшись глубоко внизу, выбросила фонтан грязи.

– Отлично, Палыч, давай осколочными! – прокричал командир роты.

Командир батареи опять взял гарнитуру у связиста:

– «Вишня»! Придурки! Колпачки со взрывателей снимайте! Дальность больше сто метров, батарее залпом, одну мину! Огонь! Передав команду, сам подумал: «Слава Богу! Что с первой мины колпачок не сняли, а то бы всех посеколо осколками». Разрывы мин с сухим треском разорвали воздух, срезая тростник и с шипением проносясь над головами, забарабанили по броне. Пулемет противника замолчал.

– Палыч! Давай еще! – прокричал командир роты.

Разрывы мин начали крушить тростник и кустарник. Командир батареи, управляя огнем, последовательно переносил его скачками по пятьдесят метров, прочесывая местность. Разрывы прекратились, наступила тишина. Все лежали и внимательно осматривали местность.

– Комбата на связь! – приказал командир роты. Связист повернулся на бок.

– Копыта не поднимай! – не успел проговорить командир, как матроса отбросило в сторону, и штанина на глазах начала темнеть от крови. Бойцы, не дожидаясь команды, вновь открыли бешеный огонь из автоматов. За ними опять начал «работу» КПВТ прочесывая тростник.

– Палыч! Давай, еще минами причеши! – прокричал командир роты, накладывая жгут на искалеченную ногу матроса.

Снова мины, разбрасывая веером осколки, уничтожали все на своем пути.

– Стой! Прекратить огонь! – скомандовал командир роты. Опять наступила тишина.

Осмотрели местность. Тихо. Бойцы, по команде поднялись на ноги, осторожно пошли вперед, откуда противник вел огонь.

– «Куб»! Я «Карабин»! Засада противника уничтожена. У меня один «трехсотый»*.

Командир батареи подошел к БТРу, с головы до ног, как и все, он был перепачкан грязью:

– Костя?! Сазонов?! Ты наверну?!

Никто не ответил. Он поднялся наверх БТРа. Матрос лежал, не выпуская автомата из рук, уткнувшись лицом в брезент. Под ним чернела огромная лужа крови. Командир батареи повернул его на бок, глаза матроса были открыты. Он закрыл ему глаза и спустился с БТРа на землю.

– Леха! Доложи комбату у нас «двухсотый*», – тихо сказал он, обращаясь к командиру роты.

Через несколько минут на своем БТРе подъехал комбат. Спрыгнув на землю, он внимательно выслушал доклад командира роты. Подошел к стоявшим носилкам, на которых лежал, закрытый плащ-палаткой «двухсотый». Взяв за край плащ-палатки, приподнял ее, посмотрел на погибшего матроса.

– Первый. Жаль! – тихо сказал он. Это был первый погибший за полтора месяца нахождения батальона на этой войне.

– Товарищ подполковник! – обратился к нему, стоявший рядом командир батареи, – А личный номер с погибшего снимать?

– Нет. Оставьте все как есть. Сейчас замполит* подъедет, он все знает. А с Вами, что случилось? Не ранены?

– Да нет, – смущаясь, ответил командир батареи и, расстегнув куртку, задрал тельняшку вверх. Во всю грудь расплывался черно-синий синяк.

– Ни хрена себе! – присвистнул комбат.

– Меня вот это спасло, – и он протянул два изуродованных магазина от автомата, – Пуля снайпера вскользь разгрузку задела, по магазинам прошла, а взрывом меня с бэтра* скинуло. Видимо головой ударился, чердак до сих пор еще болит.

– Считай, Палыч, сегодня у тебя день рождения, – и обращаясь к командиру роты, – Где раненый?

Командир роты показал на матроса с перевязанной ногой, который сидел на обочине дороги и улыбался.

– Вы сколько ему промидола* вкололи?

– Так два тюбика, вот он и балдит! – растерянно ответил ротный.

– Его тоже с замполитом отправьте.

Бойцы, которые осматривали местность, уже вернулись. Все были в грязи «по самые уши».

На обочину дороги вытащили трупы двух боевиков и особист* внимательно их осматривал. Куртки были задраны вверх, видимо сбились, когда бойцы вытаскивали их за ноги. Оба боевика – здоровые мужики с длинными черными волосами и бородами, которые сейчас свисали спутанными сосульками, заляпанными грязью и кровью. На рукавах были нашивки с волком и надписью «Армия Радиева».

– Этот видимо гранатометчик, – сказал сержант, показывая рукой на грязный труп, на голом животе которого растеклось

темно-бурое пятно, – его Костик Сазонов снял. Рядом гранатомет, разряженный лежал.

– А этот, – сержант показал на второго, – Пулеметчик. Ему осколок прямо в лоб угодил, башку как арбуз расколело, затылка нет. Был еще третий – снайпер. Ушел раненый.

– Почему Вы так решили? – спросил комбат.

– Всего три лежки было. На одной вот этот – с пулеметом, на второй – сумка с гранатами для гранатомета, а на третьей бинты кровавые, видимо перевязывалась и вот это, – и он бросил на землю небольшой, защитного цвета рюкзак, который до этого держал в руках.

– Вы, что думаете, там была женщина? – спросил особист. Сержант наклонился, поднял за край рюкзак и встряхнул его. Из него посыпались патроны к снайперской винтовке в пачках и россыпью, зеркальце, женские гигиенические принадлежности и другая всячина. Сержант поднял один патрон и протянул комбату:

– Вы посмотрите, товарищ командир, какие патроны интересные.

Комбат взял патрон. Он был обычный – к снайперской винтовке, за исключением – прямо в центре, в самом остром была сделана небольшая дырка для того, чтобы, попав в тело, он раскрывался «розочкой» причиняя больше вреда и боли.

– Жаль, что эта девка ушла. Много вреда она еще принесет. Но ничего, не мы, так другие ее достанут, – зло сказал комбат.

Он оказался прав, еще много горя принесла эта снайперша в семьи по всей России, но спустя месяц, в бою, который вел соседний полк ВДВ, она все же нашла свой конец от пули десантника.

Комбат бросил патрон в общую кучу и обращаясь к ротному: – Леха! Две минуты времени! Ставь задачу и по машинам!

Вперед! Продолжаем движение!

Через две минуты батальон продолжил движение.

Вечером в палатке командир батареи разлил офицерам из фляги водку в колпачки из-под осветительных мин.

– Помянем матроса Сазонова Костю. Пусть земля ему будет пухом! – тихо сказал командир. Не чокаясь, выпили.

25 января 2000 года Указом Президента Российской Федерации № 102 за мужество и героизм, проявленные при ликвидации незаконных вооруженных формирований в Северокавказском регионе Константин Владимирович Сазонов посмертно награжден орденом Мужества.
июнь 2017

Братушки

«Не тот герой, у кого голова с дырой,
А тот герой, что вернулся домой»
(Народная пословица)

Служил у нас в бригаде морской пехоты, в подразделении связи прапорщик, звали его Игорь. Здоровый крепкий мужик, да и человек неплохой. Как и многие из нас по воле случая и силе приказа оказался он на Северном Кавказе на второй чеченской войне. Свою службу выполнял исправно, но все ему казалось, что ничего героического нет в том деле, которым он занимается. С завистью смотрел он, особенно на разведчиков, которые выполняли боевые задачи в тылу врага. Очень ему хотелось вместе с ними сходить корректировщиком артиллерийского огня в тыл противника, совершить что-нибудь героическое.

– Война закончится, а что я буду рассказывать своим детям? Как сидел в машине у радиостанции? Все кругом воюют, а я как привязанный на одном месте, – с грустью говорил он.

На занятиях с офицерами и прапорщиками по корректированию артиллерийского огня он был в первых рядах и, в конце концов, убедил командование направить его корректировщиком в составе разведгруппы в ближайший тыл противника.

Вечер, разведгруппа выстроилась у палатки командного пункта. Крайняя, как говорят в десанте, проверка и инструктаж перед выходом. Разведчики все экипированы с иголочки: нового образца непромокаемые костюмы, облегченные ботинки, перчатки и шапочки защитного цвета, удобная разгрузка*, маленькая радиостанция, герметичный планшет* для карты. На левом фланге стоял корректировщик, который разительно отличался от всей группы: костюм хлопчатобумажный камуфлированный, бушлат ватный с большим цигейковым воротником, ботинки тяжеленные с высокими берцами, на голове шапочка черная вязаная, разгрузка допотопная, в которой было размещено: четыре запасных снаряженных магазина к автомату, две гранаты, сухпай*, да аптечка индивидуальная медицинская с перевязочным пакетом; за спиной тяжелая армейская радиостанция Р-159М с аппаратурой ЗАС «Историк»*, сбоку сумка полевая, бинокль, в чехле перископ разведчика*, да еще автомат. В общем, все согласно инструкции. Только все это неудобное и тяжелое. Но, другого, в то время, просто не было.

Задание было, на первый взгляд, не трудное: ночью, незаметно, выйти на высоту над селом, которое раскинулось перед наступающими нашими войсками, и в течение дня, наблюдая, уточнить, есть ли в селе боевики, а если есть, то сколько и где их позиции. В общем, скрытно понаблюдать, а ночью тихонько вернуться на «базу».

Проверил начальник артиллерии корректировщика, уточнил по карте намеченный маршрут движения, плановые цели, сигналы и спрашивает его:

– Ну, Игорь Николаевич, готов к выполнению задачи? – Так точно!

– Тогда с Богом! Смотри, на рожон не лезь! Береги себя!

Разведгруппа под покровом темной осенней ночи скрытно выдвинулась через наши позиции в тыл противника. Шли долго, в основном все в гору, моросил мелкий осенний дождь. С кустов и деревьев вода холодным душем окатывала разведчиков. Ботинки скользили по мокрой земле. У Игоря практически сразу промокли ноги и штаны, еще через час бушлат пропитался водой, воротник нещадно натирал шею. Мокрые носки в ботинках сбились. Идти с каждой минутой становилось все тяжелее и тяжелее. Спасало то, что иногда идущий впереди делал знак рукой и группа останавливалась. В этот краткий миг можно было перевести дух, восстановить дыхание. Прошли несколько нескончаемых километров. Вот и привал, командир группы подошел и шепотом сказал:

– Игорь, сообщи артиллеристам, что вышли на первую точку.

Корректировщик развернул радиостанцию, выполнил поставленную задачу и, достав запасные носки, быстро переоделся. Мокрые положил за пазуху – пусть сохнут.

К рассвету вышли в указанный район. Это была небольшая высота над селом, где по разведанным находились бандиты. Почти все село было видно, как на ладони. В утренней дымке оно выглядело пустым, не лаяли собаки, не кричали петухи. Разведчики заняли позицию – заросшую бурьяном небольшую канаву. Замаскировались и приступили к выполнению задания. Игорь, лежа рядом с командиром группы, достал карту, сориентировался на местности и сообщил артиллеристам свое местоположение. Передвигаться по позиции можно было только ползком, так как поселок все же был близко, а рядом проходила тропа. Здесь им предстояло провести целый день, затем, под покровом ночи уйти к своим.

– Тихо очень, – сказал корректировщик командиру, – Спят еще все. Может там и «духов»* никаких нет?

– Может быть, – задумчиво ответил командир группы, разглядывая село в бинокль.

Время тянулось медленно. Солнце уже взошло, дождь прекратился и нагретый утренним солнцем воздух, синей дымкой стелился над землей. Игорь давно уже определил на местности направление на север, уточнил плановые цели*. Он снял ватный бушлат, подстелил под себя, рядом поставил радиостанцию. «В общем, если не считать ночной марш, да то, что нельзя курить, ничего сложного» – подумал Игорь.

Чувство, которое возникло у него с первых минут выхода в разведку, когда спиной и затылком ощущаешь приближающуюся опасность, немного затихло. Осеннее солнце ласково пригревало, и он задремал.

Не сильный, но резкий толчок в бок вернул его в реальность. Игорь открыл глаза и посмотрел в ту сторону, куда показывал командир разведгруппы. В сизой дымке он не сразу понял, что это за темная масса заполняет центральную площадь села, но посмотрев в бинокль, увидел, что это мужчины и женщины.

Многие женщины были с детьми, которые как цыплята стайками держались возле своих матерей. Люди все прибывали и прибывали. Скоро уже почти вся площадь была заполнена.

– Что-то я не пойму, командир, у них, что праздник какой-то? – повернув голову, удивленно спросил Игорь.

– Да нет, скорее наоборот. Вон, видишь, по краям «духи» с автоматами, – не отрываясь от бинокля, ответил командир.

Теперь уже и Игорь увидел, что по краям этой толпы стояли люди в форме с оружием.

На крыльцо большого двухэтажного здания, наверное, когда-то это была школа, поднялся невысокий человек, окруженный вооруженными людьми. Он что-то начал говорить, активно жестикулируя руками. Люди повернулись в его сторону.

Человек на крыльце говорил долго, затем он спустился к стоявшим впереди людям и опять долго о чем-то говорил. Вдруг он резко повернулся и поднялся на крыльцо. Раздались автоматные очереди. Толпа заколыхалась, но люди с оружием быстро стали загонять женщин, детей и стариков в школу, а мужчин повели на окраину села.

– Что-то, командир, я все равно ничего не пойму? – тихо сказал Игорь, – Это что такое было?

– А чего тут понимать, все просто, главарь хотел договориться со старейшинами, чтобы, скорее всего, окопы им выкопали, да может еще и мужиков к себе в банду требовал, а деды отказали. Наверняка сказали, что б уходил со своими из села. Они же боятся – если будет бой, то их домам «кирдык». Вот «духи» баб с детишками, да стариков в заложники и взяли, чтоб их мужья веселее работали.

– А что за стрельба?

– Ну, это в воспитательных целях. Они же все конченные. Командир группы отвернулся и стал с усердием наносить на карту все, что он видел сам и, что докладывали разведчики. Корректировщик сообщал на «базу» все обнаруженные цели противника.

Солнце поднялось в зенит, когда сбоку раздался шорох, из бурьяна показался разведчик:

– Командир, по-моему, нас засекли! Человек десять «духов» поднимаются по тропе. Метров триста от нас!

– Так, быстро, уходим!

Разведчики ползком покинули свое укрытие и направились в сторону ближайшего кустарника. Здесь, пригибаясь, перебежками, побежали к лесу. Бежать было легко, под гору, но, когда до леса оставалось несколько десятков метров, оттуда ударили автоматные очереди. Путь отхода был отрезан. Опять перебежками, не отвечая на огонь, прикрывая друг друга, группа устремилась в другую сторону. Здесь двигаться приходилось в гору. Кустарник цеплялся за одежду, но в то же время он спасал разведчиков от глаз противника. Автоматные очереди раздавались все ближе и ближе, пули свистели над головами разведчиков, изредка срезая ветки кустарника. Перебежали небольшую полянку. Перемахнули через невысокий холм. Командир дал команду занять круговую оборону.

Игорь упал на землю. Сердце бешено колотилось в груди, воздуха не хватало.

– Давай быстро огонь артиллерии! – приказал ему командир группы, а сам начал вызывать авиацию.

Игорь снял со спины радиостанцию, скинул бушлат, в голове был полный сумбур.

– «Тисса», я «Беркут-1»! Прием! – начал он вызывать артиллерию. Но тут шквальный огонь, казалось, со всех сторон, заставил разведчиков сильнее вжаться в землю.

– Братушки! Не дайте пропасть! Ой, братушки, помогите! Братушки, не оставьте! – закричал Игорь в радиостанцию.

Из наушников раздалось:

– Сообщи, где находишься?

Но корректировщик с упорством обреченного продолжал твердить одно и то же:

– Ой, братушки, погибаем! Ой, братушки, спасите! Ой, братушки, не дайте по...

Сильный и резкий толчок в бок прервал его на полуслове, выбив воздух из легких. Он повернул голову и увидел командира группы, который как-то зло скалясь, спокойно сказал:

– Ничего, братушка! Бывало и хуже! Ты, успокойся и давай огонька. Давай! Давай!

Игорь как будто, проснулся. Справа и слева от него разведчики, экономя боеприпасы, отстреливались от противника. «Духи» же поливали нещадно, не экономя патронов.

Он развернул карту, достал компас. Прикинул, примерно, где находится.

– «Тисса». Я «Беркут-1». Нахожусь в квадрате «Рысь -3». Духи, примерно, метров двести от нас на север! Братушки, не подведите, дайте огонька! – передал Игорь в эфир.

– Наблюдай один дымовой! – через некоторое время прозвучало в наушниках.

Игорь хотел поднять голову, но огонь был такой силы, что об этом не могло быть и речи. Как быть, как увидеть разрыв? И тут он вспомнил, что совсем забыл про перископ разведчика, который все время висел у него сбоку. Вытащил его из чехла и осторожно поднял над собой. В перископ местность хорошо просматривалась, хотя сектор обзора и ограничивал видимость.

– Выстрел! – неожиданно раздалось из наушников.

Корректировщик с замиранием сердца ждал звука разрыва, боясь пропустить его в треске автоматных очередей. С помощью перископа он осматривал местность, но разрыва не было – ни звука, ни белого дыма.

– «Тисса». Разрыв не наблюдаю! – охрипшим голосом прокричал он в микрофон.

– Ну, что эти чертовы артиллеристы поддержат нас огнем или уснули там! – прокричал ему командир группы.

Из наушников донеслось:

– Приблизили к вам на сто метров. Наблюдай дымовой! Выстрел!

Игорь предательски трясущимися руками поднял перископ. – Ну, где этот гребаный разрыв, – вслух сказал он.

И вдруг прямо перед ними над кустарником поднялся белый дымок. Звука он не слышал, но это явно был разрыв от родной саушки*. Игорь едва удержался, чтобы не вскочить и не закричать от восторга. Взглянув на компас, он скорректировал огонь, как учили на занятиях, и запросил артиллеристов дать залп. Секунды ожидания тянулись нескончаемо долго. И вот раздалось долгожданное:

– Наблюдать залп батареи. Выстрел!

И опять секунды ожидания. Земля вздрогнула. Затем впереди, почти рядом, как в замедленном кино, поднялись фонтаны черного грунта вперемешку с кустами и громадными камнями. Треск автоматных очередей растворился в грохоте артиллерийского залпа. Земля, камни, ветки – обильно посыпались на разведчиков. Над головами со страшным шипением пронеслись осколки, срезая ветки и кроны деревьев.

Командир группы хлопнул Игоря по спине и, показав кулак с поднятым вверх большим пальцем, улыбаясь, сказал:

– Молодцы артиллеристы! Пусть еще пару раз добавят туда же! – затем махнув рукой, крикнул, – Все! Уходим!

Группа ползком, а затем перебежками начала отходить. Сзади них рвались снаряды, перемешивая все, что попадалось на пути смертоносного груза.

Пробежав с километр, разведчики остановились. Осмотрелись. Все были на месте, никто не отстал. Это было какое-то чудо, что никого не ранило, хотя в некоторых местах обмундирование и снаряжение были повреждены. Только сейчас Игорь заметил, что бежит в одной летней куртке, бушлат остался там, где был бой.

– Игорь, давай на связь артиллеристов. Пусть вертушки вызывают, а то моей радиостанции, по-моему, кирдык, – сказал командир, показывая на маленькую аккуратную дырку в корпусе радиостанции.

Корректировщик поднял свою радиостанцию, которую все это время тащил в руке и только тут заметил, что аккумуляторный отсек у нее отсутствовал напрочь. Или он задел им за что то, когда бежал, и он отлетел, или пуля, а может быть осколок, сделали свое неблагодарное дело.

– Командир, по-моему, мы остались без связи, – показывая на свою радиостанцию, медленно сказал он.

– Бывает, конечно, и хуже, но реже! Дело швах!

– Подожди, командир, дай мне пару минут, я все же по профессии связист, что-нибудь придумаю!

– Добро!

Игорь быстро достал запасные аккумуляторы. Вытащил из кармана моток изоленды и нож с отверткой, которые он всегда носил с собой, на всякий случай. «Поколдовал» с радиостанцией, примотав аккумуляторы изолентой.

– Готово, командир! – доложил он, – только ЗАС* не будет работать.

– Да и хрен с ним! Сообщи нашим, находимся на точке номер два. Скажи, идем домой прежним путем. Дай команду артиллеристам, пусть вызовут вертушки, чтобы зеленку обработали, да и сами пусть поработают.

Игорь выполнил приказ. Группа вошла в лес и ускоренным шагом двинулась знакомым маршрутом в сторону своих позиций. Где они только что были, артиллерия продолжала перепархивать кустарник, затем она замолчала и через несколько минут там закружила пара вертолетов, поливая склоны гор смертельным свинцом.

Солнце клонилось к закату. Группа успешно вышла к своим. Игорь зашел в палатку командного пункта. В палатке был полумрак, наверху тускло горела одинокая лампочка. Когда рядом стоящая батарея давала залп, стенки палатки содрогались, а огонь из чугунной печки пытался выпрыгнуть наружу. Никто, из находящихся на командном пункте, на это не обращал внимания. Игорь доложил начальнику артиллерии о выполнении задачи. Он внимательно его выслушал и спросил:

– Ты чего кричал – «братушки», да братушки»? – Да я и сам не помню, – ответил он смущаясь.

– А как же ты смог радиостанцию так быстро починить? – Но я же связист! – с гордостью ответил Игорь.

– Ну как, пойдешь еще в разведку?

– Да, пожалуй, мне этих скачек с адреналином на всю жизнь хватит. Я уж, как-нибудь, при связи. Ведь недаром говорят, что связь как воздух, когда она есть – ее не замечают, а когда нет – задыхаются!

Май 2017

Трус

*«Герой умирает раз,
трус – тысячу раз»
(народная пословица)*

Они дружили с детства, вместе ходили в школу, в спортивную секцию и девчонка им одна и та же нравилась. Некоторые, даже, принимали их за братьев. Русые волосы «ежилом», одинаковые спортивные куртки, оба высокие, крепкие. Среди них Юра всегда был заводилой, в любой компании в центре внимания. Саша же наоборот был скромным, застенчивым юношей. Когда пришла пора служить в армии, они единственные из их небольшого вологодского поселка попали служить в прославленное соединение морской пехоты, в артиллерийский дивизион, а через некоторое время им предложили написать рапорта на контрактную службу. Тогда Юрка сказал:

– Давай, Сашка, вместе на контракт!

– Так нас сразу же в Чечню пошлют!

– Ну и что! Ты, что – испугался! Ребята говорят, там тоже нормально. Зато «бабла» подзаработаем. Может – медаль получим. Ты, представляешь, мы приезжаем домой, идем по улице, на груди медали-ордена сверкают. Все девчата наши будут!

Саша согласился, контракт был заключен и через месяц усиленных занятий оба оказались в Чечне.

В десантном отсеке вертолета – гул, бойцы в новом обмундировании сидят, плотно прижавшись друг к другу, автоматы держат между ног. Сидеть неудобно – на себе тяжелое снаряжение, ноги затекли, да еще какие-то коробки и мешки свалены тут же. В открытый люк вертушки, где на турели* дремлет выдавший виды пулемет, мелькают голые вершушки гор, некоторые уже покрыты снегом, который искрится на солнце. Ниже вершин, на бурой земле тут и там чернеет голый лес. И над всем этим простирается иссиня голубое бездонное небо.

Юра всю дорогу хохмил, что-то рассказывал, хлопая рядом сидящих товарищей по коленкам, но на это никто не обращал внимания. Лица бойцов были сосредоточены, каждый думал о своем.

– Ну, что, Сашка, дрейфишь! – крикнул он в ухо другу и хлопнул ему по коленке.

Саша посмотрел на него и ничего не ответил. Ему на самом деле было немного страшно. Незнание томила, но успокаивало то, что он был не один, кругом были такие же ребята, как и они с Юркой.

– Все, садимся! – перекивая рев двигателя, сообщил летчик, высунувшись из кабины.

Вертолет сделал крутой вираж, а затем резко пошел вниз. У Саши захватило дух. Он посмотрел на друга. Юрка сидел, опустив голову, с усердием щелкая предохранителем автомата.

Лопасты еще крутились, а они уже разгрузили вертолет. Прозвучала команда:

– В две шеренги становись!

Перед строем вышел офицер в выгоревшей горке* и пыльной черной шапочке. Звания его не рассмотрели, так как поднятая вертолетом пыль все еще висела в воздухе. Офицер достал список и начал выкрикивать фамилии. Матросы выходили из строя и их тут же забирали, стоявшие рядом офицеры и прапорщики. Друзья оказались в самоходной батарее и даже в одном расчете. Юрка попал на должность заряжающего*, а Сашка – заряжающего с грунта*. Командир орудия – младший сержант, всего-то старше на год, привел их к большой палатке, которая стояла в какой то, как показалось им, яме. Откинув полог, охрипшим голосом сказал:

– Размещайтесь здесь. Вещи можете оставить, – и, обращаясь к бойцу, который топил печь, рубя малой пехотной лопаткой ящики от артиллерийских снарядов, – Серега! У нас кипятков есть? Дай этим «бандерлогам», пусть перекусят.

В палатке земляной пол был застелен сухой травой, на которой рядами лежали артиллерийские ящики, используемые как спальные места. На них аккуратно были расстелены спальные*». Здесь же были уложены вещевые мешки. В глубине палатки стояло двое брезентовых носилок – как потом оказалось, это были места отдыха старшего офицера батареи и командира взвода.

Через десять минут полы палатки отдернулись:

– Вы что, «бандерлоги», еще не перекусили? Кончай трапезу, пора делом заниматься.

Весь день батарея не стреляла. Старший офицер батареи до седьмого пота гонял расчеты, тренируя их выполнять огневые задачи, а вдобавок к этому еще рыли окопы. Так что к вечеру, с непривычки, друзья порядком устали.

Когда после ужина прозвучала команда «Отбой!», ребята, сняв только бушлаты и ботинки, завернулись в спальные и уснули богатырским сном.

Сквозь сон Саша услышал команду: «Подъем! К бою!» Свет ударил по глазам. Он проснулся и открыл глаза. В палатке было темно. Только небольшой свет давал фонарик командира взвода. Слышались команды:

– Веселее! К орудиям! К бою.

Кругом раздавался шум и сопение. Бойцы, быстро вскакивали, надевали ботинки, хватали оружие и выскакивали из палатки. Сашка вместе со всеми выбежал из палатки. Дождь холодным душем ударил ему в лицо. В кромешной темноте глаза не могли различить ни единого огонька. Ноги, в не зашнурованных ботинках, хлюпали по грязи, в которую превратилась земля под дождем. Где-то недалеко справа иногда ухало и над головой, с шипением разрезая воздух, что-то проносилось. Один из бойцов, пробегая мимо, ударил его по спине:

– Пригнись! А то зацепит!

Сашка сделал шаг, нога попала в яму, и он упал в холодную, вязкую жижу. Быстро поднял автомат, встал на колени. Чернота такая, что ничего не видно. «Куда бежать? Где орудие?» – подумал он и его охватил страх. Зубы начали предательски отбивать чечетку, хотелось куда-нибудь спрятаться.

Звуку запускаемых двигателей самоходок* он обрадовался так, как не радовался, наверно, ни одной самой любимой мелодии. Не вставая на ноги, закинув автомат за спину, он на карачках быстро направился в сторону звука.

– Ну что, доковыляли, бандерлоги? – услышал он показавшийся ему родным голос.

Младший сержант сидел на корточках у орудия.

– А где второй? – спросил командир орудия.

– Я н-не знаю!

– Ладно! Потом разберемся! Становись на место заряжающего! Будем из боеукладки* работать!

Около двух часов батарея выполняла огневые задачи. Затем раздалась долгожданная команда «Отбой!». Небо заметно посветлело, дождь уже не лил как сумасшедший, а противно моросил.

Грязные и мокрые пришли в палатку. Печь в палатке погасла. Было холодно и сыро. Юрки в палатке не было.

– Вот что, мужики, – сказал командир орудия, обращаясь к своему расчету, – пошли искать этого «бандерлога», а то «духи» сегодня мины плотно ложили, как-бы не зацепило.

Только сейчас Саша понял, что ухающие звуки сегодня ночью, это разрывы мин, а шипение над головой – от пролетающих осколков, и палатка их стоит в яме не просто так, а чтобы хоть как то защититься от осколков и шальных пуль. Перед глазами у Сашки возникла картина,

как его друг лежит раненый в грязи, прижимая руки к ране на животе. Ему стало страшно за Юрку. «Нет, такого не может быть» – подумал он.

– Далеко не ходить! Он где-то здесь! – голос младшего сержанта вернул его в реальность.

Разошлись в разные стороны. Саша зашел за палатку и здесь увидел, что Юрка сидит на ящике из-под снарядов и курит. Он был мокрый, весь, какой-то взъерошенный, но живой и даже не раненый.

– Юрка! – почему-то шепотом окрикнул он его.

Друг повернул к нему голову. Сашка сначала даже не узнал его. Лицо было какое-то чужое, серое.

– Юрка! Ты чего здесь?!

Он отвернулся и не спеша затянулся сигаретой. Саша подошел к нему и взял его за плечо:

– Ты чего?

Юра поднял голову, посмотрел на Сашку какими-то пустыми, не знакомыми глазами и тихо сказал:

– Я заблудился.

– Пошли, а то наши все ищут тебя.

Они вместе подошли к командиру орудия, который стоял у входа в палатку и курил.

– Где вы были, товарищ матрос? – как-то устало спросил он, обращаясь к Юрке.

– Он заблудился в темноте! – ответил за него Сашка.

– Я не тебя спрашиваю! У него, что язык тоже заблудился?

– Я заблудился, – как-то неуверенно и тихо выговорил Юрка.

Младший сержант сплюнул, отбросил сигарету, – Ладно, блудила, пусть это будет первый и последний раз! – и, обращаясь к подошедшим бойцам, – Все, всем спать! Скоро подъем!

Новый день выдался пасмурным. Не переставая, моросил мелкий и холодный дождь. Пришла колонна с боеприпасами. Командиров орудий, механиков-водителей и наводчиков старший офицер батареи гонял, тренируя выполнение огневых задач, остальные занимались разгрузкой снарядов. Затем рыли новые укрытия для ящиков с боеприпасами. Чтобы спастись от дождя, надели на себя плащи ОЗК*. Юрка все время пытался отойти в сторону, под любым предлогом старался отлучиться, а потом совсем исчез. Прошло какое-то время и Сашка увидел, как командир взвода, который руководил работами, вытащил Юрку из кабины грузовика и дал ему пинка. Все остальное время Юра работал молча, не разговаривая и не смотря ни на кого. Вечером перед отбоем командир орудия собрал расчет перед палаткой. Достал пачку сигарет и предложил всем, но как бы случайно, обошел Юрку. Закурили.

– В общем, так, мужики. Все хорошо, только не буду показывать кто, но в нашем расчете появился «шланг», – и он ткнул пальцем в грудь Юрки, – Предупреждаю всех. Кому что-то не нравится, командиру рапорт и вон отсюда! Здесь не курорт! Если еще кто-то захочет «шлангануть», я сам того урою. Понятно?! – и он в упор посмотрел на Юрку.

Молча докурили и зашли в палатку.

Этой ночью повторилось все, как и прошлой. Только командир орудия стоял у выхода из палатки и когда появился Юрка, он взял его за рукав и сказал:

– Чтoб не заблудился, со мной пойдешь!

И снова несколько часов батарея вела огонь. Опять долгожданная команда «Отбой!», но досыпать в эту ночь им не пришлось – их расчет был назначен дежурным орудием.

Так день за днем повторялось одно и то же: грязь, надоедливый мелкий дождь, который, казалось, не прекратится никогда; днем – тренировки до седьмого пота, разгрузка боеприпасов, обслуживание орудий; ночью – ведение огня; и постоянное желание забиться в теплую палатку, завернуться в спальник и выспаться. Юрка все эти дни почти не разговаривал, был хмурый.

Однажды утром поступила команда на оставление огневой позиции и совершение марша в новый район. Полдня под морозящим осенним дождем сворачивали палатки, грузили иму-

щество и боеприпасы на машины. Блаженством показалось, когда после команды «По местам!» они забрались в такую родную самоходку и растянулись прямо у боеукладки. Несколько часов совершения марша по раскисшим дорогам и опять врывание в землю, установка палатки, разгрузка боеприпасов. Только когда стемнело, затопили печку. Перекусили сухим пайком. Закончив есть, Юрка молча встал и вышел из палатки. Прошло несколько минут, он не возвращался. Сашка взял автомат и вышел наружу. Юрки нигде не было видно. Саша обошел всю огневую позицию, но нигде не нашел друга. Он подошел к самоходке и под масксетью, которая была наброшена на орудие, увидел Юрку. Он стоял, облокотившись о грязный бруствер окопа и смотрел куда-то вдаль.

– Юра! Ты чего здесь делаешь? – подойдя к нему, спросил Саша.

– Да, так, ничего! – не поворачивая головы, ответил он.

– Пошли в палатку отдыхать, а то хрен знает, сколько поспать придется.

– Ты понимаешь, Сашка, – сказал Юра, посмотрев на него каким-то незнакомым взглядом, – Не могу я здесь! Надоело все! Эта грязь! Сырость! Спать постоянно хочется! Да и сержант наш, гад, все время придирается ко мне, следит за мной. Как маленького меня за ручку водит. Не так я все себе представлял. Он вздохнул, вытер лицо грязной рукой и замолчал.

– Юрка! Да мы всего-то здесь ничего. Привыкнешь! – постарался успокоить его друг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.